

КНЯГИНЯ
ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВСКАЯ
АЛЕКСАНДР II

ВОСПОМИНАНИЯ

Екатерина Юрьевская
Александр II. Воспоминания

«Издательство Захаров»

1924

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)1

Юрьевская Е.

Александр II. Воспоминания / Е. Юрьевская — «Издательство
Захаров», 1924

ISBN 978-5-8159-1438-4

Александр II (1818–1881), император, супруг и отец взрослых детей, был на 28 лет старше княжны Екатерины Михайловны Долгорукой. Их роман длился много лет, а в 1880 году овдовевший император вступил в морганатический брак, узаконив их общих детей и повелев именовать свою любимую Катю светлейшей княгиней Юрьевской. Однако меньше чем через год, весной 1881 года, Александр II погиб от рук террористов. На похоронах царя Освободителя присутствовал молодой французский дипломат Морис Палеолог – его очерк «Александр II и Екатерина Юрьевская» открывает эту книгу. А далее в ней опубликованы воспоминания самой княгини, изданные ею в Европе сразу после гибели мужа, под псевдонимом Виктор Лаферте. Книга также содержит редкий иллюстративный материал 1881 года.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-8159-1438-4

© Юрьевская Е., 1924
© Издательство Захаров, 1924

Содержание

Морис Палеолог. Александр II и Екатерина Юрьевская	6
Глава первая	10
Глава вторая	13
Глава третья	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Княгиня Екатерина Юрьевская Александр II. Воспоминания; Александр II и Екатерина Юрьевская: биографический очерк

Воспоминания второй жены Александра II светлейшей княгини Е.М.Юрьевской, изданные ею на французском языке под именем Виктора Лаферте, печатаются по-русски впервые по тексту редкой книги:

Alexandre II

Details inedits sur savie intime et sa mort par Victor Laferte

1882

Биографический очерк Мориса Палеолога, изданный в Париже в 1922 году, печатается в новой редакции перевода, опубликованного в Петрограде в 1924 году

Иллюстрации в этой книге воспроизводят избранные страницы еженедельного петербургского журнала «Нива» за март – апрель 1881 года из библиотеки издателя

Морис Палеолог. Александр II и Екатерина Юрьевская

Это было в 1881 году. Незадолго до того я поступил в Министерство иностранных дел и был причислен к кабинету министра Бартелеми Сент-Илер, известного переводчика Аристотеля и старинного друга Тьера.

В воскресенье, 13 марта, в семь часов пополудни, когда я находился в комнате, прилегающей к кабинету министра, один из чиновников секретного отдела принес мне с испуганным видом важную телеграмму, только что им расшифрованную. Я прочел:

«Петербург, 13 марта 1881 г. Страшное несчастье постигло Россию; сегодня, в половине четвертого пополудни, скончался император, пав жертвой гнусного убийства. Его величество возвращался домой после военного парада и визита к великой княгине Екатерине, как вдруг брошенной бомбой была взорвана его карета. Император, оставшийся невредимым, хотел сойти, чтобы узнать, в чем дело. В эту минуту вторым взрывом ему раздробило ноги. Императора в саних довели до дворца, где он скончался час спустя. Я видел его на смертном одре, окруженным потрясенной семьей. Толпы народа окружают дворец, выражая глубокую скорбь, но сохраняют при этом полное спокойствие. Из сопровождавших государя один казак убит, пятеро ранено. Говорят и о других жертвах. Произведено четыре ареста на месте происшествия, в момент взрыва. Генерал Шанци».

Несколько часов спустя стали известны все подробности убийства, довольно сильно взволновавшего французское общество...

За несколько месяцев до убийства Александра II один важный инцидент до крайности обострил дипломатические отношения между Петербургом и Парижем.

Императорское правительство потребовало у нас выдачи анархиста Гартмана, обвиненного в организации взрыва царского поезда на вокзале в Москве 3 декабря 1879 года. Под влиянием левых партий французское правительство отказалось выполнить это требование, что вызвало негодование Александра II. Русская пресса громила Францию, и царский посол князь Орлов внезапно покинул Париж, аккредитовав письмом своего поверенного в делах и не простившись ни с президентом Республики, ни даже с министром иностранных дел.

Смерть Александра II ставила перед Европой тревожные проблемы. Что произойдет в России? Является ли убийство 13 марта прелюдией к общему перевороту? Что победит – консервативное или революционное течение? В случае сильной реакции, не будет ли царский абсолютизм вынужден усилить связь с немецкими государствами? Не рискуем ли мы оказаться пред фактом возобновления монархического договора против Франции, заключенного в 1873 году, – знаменитого союза трех императоров?

Бартелеми Сент-Илер желал как можно скорее получить ответ на все эти вопросы. Он лично написал по этому поводу нашему послу в России генералу Шанци, и мне было поручено доставить это письмо, снабдив его некоторыми устными пояснениями.

* * *

Вечером 15 марта я выехал в Петербург. На Северном вокзале в зале для отъезжающих я прочел объявление, гласившее, что все русские границы закрыты впредь до нового распоряжения и все путешественники, направляющиеся в Россию, могут ехать не дальше Берлина. Но мой дипломатический паспорт обеспечивал мне возможность доехать до Петербурга.

Экспресс был почти пуст. Человек двадцать пассажиров, не больше; в их числе великий князь Николай Николаевич, брат императора, бывший главнокомандующий русской армии во

время войны на Балканах, его сыновья Николай и Петр, возвращавшиеся из Канн, их адъютанты и несколько слуг.

В Берлине, куда мы прибыли на следующий день в восемь часов вечера, у нас была продолжительная остановка, во время которой великие князья принимали членов русского посольства и адъютанта старого императора Вильгельма.

Перед отходом поезда все пассажиры были подвергнуты тщательному опросу полиции, и, кроме великих князей, их свиты и одного английского курьера, только я получил разрешение следовать дальше.

На следующий день в четыре часа пополудни мы остановились в Эйдкунене – последней прусской станции на границе двух империй, и в поезд внесли множество чемоданов и футляров военного образца. Немного времени спустя на русской станции Вержболово я увидел великих князей и их адъютантов, выходящими из вагонов в военной форме с креповыми нарукавниками на серых мундирах. Рота солдат, выстроившаяся вдоль перрона, отдавала честь.

Несмотря на дипломатический паспорт, жандармский офицер подробно расспросил меня о цели моего путешествия, соблюдая, однако, по отношению ко мне чрезвычайную вежливость. Английскому курьеру пришлось выдержать такой же допрос.

Я спустился в буфет выпить стакан чаю. При слабом свете под темным небом вокзал казался мрачным. Перед каждой дверью – жандарм; в каждом проходе – часовой; а кругом, в полях, в беспредельности туманной равнины, виднелись тут и там казацкие патрули, охранявшие границу.

Еще двадцать четыре часа пути – и я в Петербурге.

Город был в страшной тревоге. Население терроризовано не только убийством царя, но и слухами о силе и дерзости нигилистов.

На улицах я встречал испуганные и взволнованные лица. Казалось, люди обращались друг к другу только для того, чтобы сообщить тревожные новости, которые рождались и росли с каждым часом: сенсационные аресты, захват оружия и взрывчатых веществ, обнаружение тайных типографий, революционные прокламации, расклеенные на городских памятниках и чуть ли не в здании Зимнего дворца, угрожающие письма по адресу наиболее высокопоставленных лиц, убийство жандармских офицеров среди бела дня у Гостиного двора и т. д.

Опубликование последних результатов полицейского розыска особенно взволновало общественное мнение: распутывая нить одного заговора, полиции удалось установить, что террористы подвели под Садовую улицу, на углу Невского, адскую машину, начиненную тридцатью двумя килограммами динамита.

* * *

Я направился прямо в посольство, где выполнил данное мне поручение.

Вечером, за обедом у генерала Шанци, я познакомился с некоторыми из его сотрудников: адъютантом генерала полковником де Буадеффриом, советником посольства Терно-Компаном и самым блестящим из секретарей посла, составившим себе уже некоторое имя в литературе, Эжен-Мельхиором де Вогюэ.

Их интересная беседа, в которую генерал вставлял иногда меткое слово, открыло мне совсем новую точку зрения на русский «свет», куда я попал впервые, и стало хорошей подготовкой к той грандиозной церемонии похорон императора, свидетелем которой я стал на следующий день.

...Сильное впечатление производит эта длинная величественная процессия в одеяниях из черного бархата, расшитого серебром. Под суровым покровом митр и византийских риз митрополиты и архиереи кажутся движущимися иконами.

За ними следует траурная колесница, запряженная восемью черными лошадьми в креповых уборах с белыми султанами.

Вокруг нее – тридцать пажей с горящими факелами.

Внутри колесницы по церемониалу четыре генерал-адъютанта окружают гроб, задрапированный покрывалом из горностая и золота.

За гробом следует император Александр III с непокрытой головой, стройный и величественный, в Андреевской ленте через плечо. Его сопровождают великие князья.

Императрица Мария Федоровна и ее юные дочери, великие княгини и придворные дамы следуют за гробом в траурных каретах. Процессия заканчивается отрядом гвардейцев.

Генерал Шанци ведет нас прямо в собор крепости. Мы успеваем прибыть туда в одно время с траурной колесницей. Император и великие князья снимают гроб и на плечах несут его к катафалку.

В освещенной церкви перед таинственно сверкающим иконостасом начинается дивная заупокойная литургия. Императорская фамилия размещается справа от катафалка, придворные сановники, министры, генералы, сенаторы, представители гражданской и военной власти занимают центр. Иностранные послы со своим персоналом стоят позади царя.

Генерал Швейниц представлял Германию, граф Кальноки – Австро-Венгрию, лорд Деффери – Англию, кавалер Нигра – Италию. Но самая благородная фигура – это представитель Франции генерал Шанци.

...Литургия, на которой я присутствую, непрерывно возвращает мои мысли к усопшему. Посиневшее лицо его кажется страшным под мерцающими огнями свечей.

Хор запел «Вечную память». Священник прочел отпущение грехов и приложил ко лбу усопшего полоску пергамента с начертанной на нем молитвой.

Остается отдать последний долг прощания.

Поднявшись по ступенькам катафалка, с глазами, полными слез, Александр III склоняется над гробом и запечатлевает последний поцелуй на руке отца. Царица, великие князья и княгини поочередно делают то же.

Послы со своим персоналом приближаются к гробу, но в это время главный церемониймейстер князь де Дивен просит нас остановиться.

В глубине церкви, из двери, примыкающей к ризнице, появляется министр двора граф Адлерберг, поддерживая хрупкую молодую женщину под длинным креповым вуалем.

Это морганатическая жена покойного императора княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская, урожденная княжна Долгорукая.

Неверными шагами поднимается она по ступеням катафалка. Опустившись на колени, она погружается в молитву, припав головой к телу покойного. Несколько минут спустя она с трудом поднимается и, опираясь на руку графа Адлерберга, медленно исчезает в глубине церкви.

После этого мы приступаем к последней церемонии. Когда приходит моя очередь, я замечаю, что вся нижняя часть тела усопшего, изуродованная взрывом, закрыта пышной мантией, а вуаль из красного тюля скрывает две раны на лице.

* * *

Из всех впечатлений о моем пребывании в России наиболее ярко сохранилось у меня в памяти мимолетное появление в соборе крепости княгини Юрьевской.

В течение последующих лет я видел ее несколько раз в Париже, где она вела обычную жизнь богатой иностранки. Ей не приписывали никаких романов. Трое детей ее от Александра II, казалось, поглощали всю ее нежность. Она подолгу жила в Ницце, где и умерла 15 февраля 1922 года. Две-три строки в нескольких журналах отметили ее смерть. А между тем, мне

известно, что ее связь с Александром II заключала в себе большую политическую тайну. Лишь немногие были посвящены в эту тайну и ревниво хранили ее или унесли с собой в могилу.

Сведения, собранные мной во время моего пребывания в Петербурге, несколько попавших ко мне писем, наконец, интимное признание, ценность которого для меня несомненна, позволяют мне теперь точно определить то важное место, которое княгиня Юрьевская вправе занять в истории России.

Глава первая

Княжна Екатерина Михайловна Долгорукая родилась в Москве 14 ноября 1847 года. Отец ее, князь Михаил Михайлович Долгорукий, унаследовавший крупное состояние, вел беспечный образ жизни, то появляясь в обеих столицах, то оставаясь подолгу в своем родовом имении Тепловка в окрестностях Полтавы.

Князья Долгорукие вели свой род от Рюрика и Владимира Святого. Дочь одного из предков, Мария Долгорукая, была женой царя Михаила Федоровича, основателя династии Романовых.

В августе 1857 года император Александр II, направляясь в Волынь для присутствия на маневрах, остановился в Тепловке.

Семья Долгоруких переместилась в боковой флигель, предоставив государю парадные покои.

Однажды, когда царь расположился на веранде со своими адъютантами, мимо пробежала девочка.

– Кто вы, дитя мое? – окликнул ее царь.

– Княжна Екатерина Михайловна Долгорукая, – пролепетала она, растерявшись. – Мне хочется видеть императора.

Это рассмешило государя. Он поболтал с ней несколько минут и велел отвести к родителям.

Увидя ее на другой день, царь был вновь очарован ее грацией, прелестными манерами и большими глазами испуганной газели. С самым любезным видом, как бы обращаясь к придворной даме, царь попросил показать ему сад. Они долго гуляли вместе. Девочка была в восторге. Этот день навсегда остался у нее в памяти.

* * *

Два года спустя Александру II привелось снова вспомнить о ней.

Князь Долгорукий, тщеславный и безвольный, увлекшийся спекуляциями, потерял все свое состояние. Это сильно отразилось на его здоровье, и он вскоре скончался от нервного потрясения.

Чтобы оградить семью от требований кредиторов, государь принял имение Тепловка под «императорскую опеку» и взял на свой счет воспитание шестерых детей покойного князя.

Екатерина Михайловна и ее младшая сестра Мария поступили воспитанницами в Смольный институт.

Основанный Екатериной II в подражание Сен-Сирскому институту мадам Монтенон, «Институт благородных девиц» красуется своей прелестной архитектурой на берегу Невы, в том месте, которое так живописно изобразил Пушкин.

Во все времена русские императоры и императрицы традиционно осыпали этот институт своими милостями. Они интересовались личностью воспитанниц, их работами и играми и часто принимали участие в их чаепитии.

В этом аристократическом учебном заведении юные княжны Долгорукие вскоре выделились своей красотой. Изящные, с правильными чертами лица, они представляли два различных типа женской красоты.

Лицо старшей, Кати, словно выточенное из слоновой кости, было очаровательно в роскошной рамке из каштановых волос.

Младшая, Маша, с ослепительным цветом лица, обещала стать красавицей блондинкой.

Александр II часто и охотно беседовал с ними. Вскоре, однако, заметили, что к старшей он относится с особенным вниманием.

Семнадцати лет девушка окончила институт и поселилась у старшего брата Михаила, женатого на прелестной неаполитанке маркизе де Черче-Маджиоре. Зимой они занимали квартиру на Бассейной, а летом жили на скромной вилле в Петергофе.

Однажды весной Екатерина в сопровождении горничной шла по Летнему саду, покрытому еще снежным ковром, и увидела императора, совершавшего обычную прогулку с одним из адъютантов. Государь подошел к ней и, не обращая внимания на прохожих, наблюдавших за ними, увлек ее в одну из отдаленных аллей.

Простыми, но ласковыми и нежными словами царь глубоко взволновал эту неопытную и наивную девушку. Она готова была умолять его прекратить этот разговор, но слова застревали в горле и не срывались с уст.

После этого они встречались довольно часто в Летнем саду или в извилистых аллеях Елагина острова, а летом – под сенью векового леса в окрестностях Петергофа.

Напрасно говорил он ей о своей любви, большой, властной и мучительной – она оставалась холодна и неприязненно замкнута.

В течение нескольких месяцев Екатерине Михайловне удавалось избегать встреч с царем. Но вскоре он добился их снова.

Однажды, потрясенный ранней трагической смертью цесаревича Николая, царь при встрече с Екатериной Михайловной показался ей таким беспомощным, что сострадание невольно сжало ей сердце. Впервые она нашла в своей душе слова искреннего сочувствия к царю, согревшие и ободрившие его.

Это создало невидимую нить близости между ними, и в первый раз со времени их знакомства она с нетерпением ждала новой встречи.

При следующем свидании, едва взгляды их встретились, она вздрогнула от внезапного сердечного потрясения, как бы ослепленная молнией, в радостном порыве отдавая ему всю свою душу.

Позднее она с недоумением вспоминала об этом периоде своей жизни и говорила своему верному другу госпоже Варваре Игнатьевне Шебеко:

– Как я могла противиться ему в течение целого года? Как не полюбила его раньше?

* * *

Это было в июле 1865 года. Двор по обыкновению находился в Петергофе, выстроенном Петром Великим на берегу Финского залива с тайным желанием затмить Версаль.

В конце парка, близ дороги, ведущей в Красное Село, возвышается павильон с колоннадой, нечто вроде бельведера, носящий название «Бабигон». Николай I построил его в 1853 году для своей жены императрицы Александры. Уединенный, окруженный зеленью и цветами, он живописно расположен над сверкающим зеркалом финских вод.

Сюда вечером 13 июля была приведена Екатерина Михайловна; вся дрожа, она предстала пред Александром II, взволнованным еще больше нее.

Это свидание превзошло все, что молодая девушка могла вообразить. Расставаясь с ней и покрывая ее поцелуями, царь при прощании сказал:

– Я не свободен сейчас... Но при первой возможности я женюсь на тебе. Отныне и навеки я считаю тебя своей женой пред Богом. До завтра... Будь благословенна.

Эти слова в устах императора прозвучали торжественной клятвой, и с тех пор «Бабигон» часто видел Екатерину Долгорукую.

Сентябрьское пасмурное небо и холодные дожди принудили двор вернуться в столицу. Здесь встречи юной княжны с ее августейшим другом стали еще регулярней. Три-четыре раза

в неделю она тайно являлась в Зимний дворец. Собственным ключом открывала она низенькую дверь и проникала в уединенную комнату с окнами на площадь. Потайной лестницей эта комната соединялась с царскими апартаментами на втором этаже.

В течение тридцати лет Николай I управлял империей из этого уединенного уголка. Мебель, портреты, картины, все предметы, среди которых неумолимый самодержец осуществлял свои деспотические мечты, являлись теперь декорацией к сценам любви и сладострастия.

Связь вскоре стала известной, но в петербургских салонах о ней перешептывались лишь полусловами, так как в то время особа царя была священна. К тому же ужасное III Отделение тайной канцелярии, управляемое графом Шуваловым, повсюду имело уши и было далеко не безопасно болтать об интимной жизни монарха.

Однако жена старшего брата Екатерины Михайловны вскоре узнала, что в придворных сплетнях называют и ее имя, обвиняя ее в содействии сближению императора с молодой княжной и в покровительстве этой связи. Возмущенная клеветой, боясь за будущее Екатерины, она решила увезти ее в Неаполь, где жила семья Черче-Маджиоре. Несколькими месяцами раньше это средство могло оказаться спасительным, но теперь оно еще сильнее разожгло страсть любовников, которые ежедневно обменивались письмами.

Глава вторая

С первого взгляда может показаться непонятной такая сильная любовь между людьми, столь различными по возрасту и положению.

Когда Екатерину впервые привезли в «Бабигон», ей было только 17 лет, а Александру – больше сорока семи. Он мог быть ей отцом и, во всяком случае, должен был казаться ей слишком зрелым.

Правда, в ее глазах Александр был окружен ореолом славы и могущества. Ведь он император, самодержавный царь всей России, помазанник Божий, абсолютный владыка одного из величайших в мире народов.

Как могла она не поддаться очарованию, видя его таким величественным, окруженным блестящей свитой и всей пышностью придворных церемоний?

Никогда еще российский двор не блистал так ослепительно. Празднества и балы справлялись с неслыханной роскошью.

Бывший английский посланник лорд Лефтус, свидетель этого блестящего периода, писал в своих мемуарах: «Двор роскошен и поражает своей пышностью, в которой есть нечто восточное. Балы, с их живописным разнообразием военных форм, красотой туалетов, сказочным сверканием драгоценностей, своей роскошью и блеском, превосходят все, что я видел в других странах».

Теофиль Готье, посетивший Россию в 1865 году и присутствовавший на одном из таких придворных балов, исчерпал все ресурсы своего языка, чтобы описать это празднество. Чтоб лучше видеть общую картину, он взобрал на хоры Георгиевского зала.

«Вначале от сверкания, блеска и переливов свеч, зеркал, золота, бриллиантов и дивных тканей ничего не различаешь, – писал Готье. – Когда глаз несколько привыкает к ослепительному блеску, он охватывает с одного конца до другого этот гигантских размеров зал из мрамора и гипса. Беспрерывно мелькают в глазах военные мундиры, расшитые золотом, эполеты с бриллиантовыми звездами и ордена из эмали и драгоценных камней.

Одежды мужчин так блестящи, богаты и разнообразны, что дамам, с их изяществом и легкой грацией современных мод, трудно затмить этот тяжеловатый блеск. Не в силах быть нарядней – они прекрасней. Их обнаженные шеи и плечи стоят всех блестящих мужских украшений».

В этой сказочной рамке Т.Готье рисует портрет императора: «Александр II одет в элегантный военный костюм, выгодно выделявший его высокую, стройную фигуру. Это нечто вроде белой куртки с золотыми позументами, спускающейся до бедер и отороченной на воротнике, рукавах и внизу голубым сибирским песком. На груди у него сверкают ордена высшего достоинства. Голубые панталоны в обтяжку обрисовывают стройные ноги и спускаются к узким ботинкам.

Волосы государя коротко острижены и открывают большой и хорошо сформированный лоб. Черты лица безупречно правильны и кажутся созданными для медали. Голубизна его глаз особенно выигрывает от коричневатого тона лица, более темного, чем лоб, – свидетельство долгих путешествий и занятий на открытом воздухе. Очертание его рта так определено, что кажется выточенным из кости – в нем есть что-то от греческой скульптуры.

Выражение его лица полно величественной твердости и часто освещается нежной улыбкой».

Как могла Екатерина Михайловна не быть покоренной этой прелестью и царственным величием, склонившимися перед ней?

Однако, когда она согласилась явиться в «Бабигон», ею руководила не пылкость воображения и не опьянение гордости – она слушалась лишь голоса своего сердца. Не царю отда-

лась она, а мужчине. И женский инстинкт не обманул ее – Александр Николаевич в частной и интимной жизни был человеком редких качеств.

Благородство характера, великодушие и спокойное мужество, умение владеть собой, изящество манер и культурность ума, изысканность вкусов, чувство такта и учтивость – самые характерные его черты. Это был джентльмен в лучшем смысле слова. Его речь была живой, свободной, полной юмора и веселья.

С того дня, как Екатерина Михайловна позволила ему любить себя, она его обожала.

Но почему в нем пробудилось к этой семнадцатилетней девочке такое внезапное, страстное и глубокое чувство? И какая безумная влюбленность побудила его в первый же день их близости клятвенно обещать ей сделать ее своей женой?

* * *

Александр II всегда чувствовал неотразимое влечение к женщинам. Уже в 20 лет он испытал всю силу женского обаяния и узнал муки первой серьезной страсти.

В 1837 году, предприняв по желанию отца путешествие по Европе с познавательной целью для расширения кругозора, он объехал Швецию, Австрию и Италию, посетив дворы Берлина, Веймара, Мюнхена и Вены, Тюрина, Флоренции, Рима и Неаполя.

Возвращался он через Швейцарию и Прирейнскую область, желая нанести визит своим родным в Штутгарте и Карлсруэ.

Чтоб поскорей попасть в Лондон, бывший последним этапом его путешествия, он вычеркнул из своего маршрута маленькие столицы Германской конфедерации, как, например, Дармштадт, Мекленбург и т. д.

Но старый властитель курфюршества Гессенского герцог Людвиг II настаивал на том, чтобы Александр остановился при его дворе хотя бы на несколько часов. Молодой цесаревич принужден был, нехотя, согласиться на герцогское приглашение и 12 марта 1838 года прибыл в Дармштадт. Здесь его ожидал большой сюрприз.

У Людвиг II было четверо детей – три сына и дочь, которой к тому времени едва исполнилось пятнадцать лет.

Александр Николаевич страстно влюбился в юную принцессу Марию.

– Я всю жизнь мечтал только о ней, – взволнованно говорил он своим адъютантам Орлову и Кавелину в первый же вечер по приезде в Дармштадт. – Я не женюсь ни на ком, кроме нее.

И он немедленно написал в Петербург, умоляя отца и мать разрешить ему просить руки принцессы.

В это время ожидали его приезда в Лондон, и, с болью оторвавшись от дармштадтского очарования, цесаревич направился в Англию. Однако через очень короткий промежуток времени он поспешил вернуться в Дармштадт.

В ответном письме родители Александра проявили полное равнодушие к его свадебной горячке. Ему предписывали поторопиться с возвращением, а что до женитьбы, то этот вопрос можно обсудить позднее.

Тогда цесаревич решительно заявил Орлову и Кавелину, что скорей откажется от трона, чем от брака с принцессой Гессенской.

Вернувшись вскоре после того в Петербург, он повторил перед родителями свое непреклонное решение. Гордый самодержец Николай I и его тщеславная супруга были, однако, неумолимы.

Видя, что любовь цесаревича только сильней разгорается от препятствий, они решились, наконец, открыть ему настоящую причину своего упорства.

Герцог Людвиг II женился в 1804 году на шестнадцатилетней принцессе Вильгельмине Баденской. От их брака родилось двое сыновей: принц Людвиг – в 1806 году, принц Карл – в 1809 году.

Вскоре после этого нелады в герцогской семье повлекли за собой полный разрыв брачных отношений между супругами, что было сделано вполне гласно. Герцогиня Вильгельмина вела свободный образ жизни, ей приписывали множество увлечений. Весной 1823 года маленький дармштадтский двор с удивлением узнал, что герцогиня беременна. 15 июня она разрешилась третьим сыном, принцем Александром, который стал впоследствии родоначальником Баттенбергов.

Дорожа честью короны и семьи, Людвиг II признал ребенка своим сыном. Но ни для кого не было тайной имя подлинного отца, которого не дерзали даже называть, шокированные его низким происхождением.

В следующем 1824 году 8 августа герцогиня разрешилась вторым ребенком от той же связи, принцессой Марией.

Открытие этой тайны, о которой сплетничали при всех немецких дворах, нисколько не изменило чувств цесаревича и не поколебало его решения.

– Что с того? – говорил он. – Я люблю принцессу Марию и скорей откажусь от трона, чем от нее.

Императору Николаю пришлось, наконец, сдаться, и 16 апреля 1841 года в Зимнем дворце состоялось бракосочетание цесаревича Александра и принцессы Марии Гессенской.

Несмотря на мрачную тайну ее рождения, молодая цесаревна была приветливо принята своей новой семьей и будущими подданными. Ее признали красивой и безупречно воспитанной. Еще очень юная, Мария сумела обнаружить самые серьезные наклонности, активно занявшись благотворительностью и восхищая Святейший синод своим благочестием.

Ее можно было упрекнуть лишь в некоторой крутости нрава и в излишней скрытности и церемонности.

Молодой супруг осыпал цесаревну признаками самого трогательного внимания и нежности. Но частые беременности (при вступлении на престол в 1855 году у них было уже пять человек детей) расстроили и без того хрупкое здоровье императрицы, а суровый петербургский климат губительно отзывался на ее слабых легких.

Вынужденная по настоянию врачей вести замкнутый образ жизни, императрица вскоре заметила, что Александр охладил к ней. Гордая и замкнутая, она страдала молча, сохраняя в душе признательность к тому, кто посвятил ей свою первую любовь и сделал ее, маленькую незначительную принцессу, российской императрицей.

Александр Николаевич тем временем беспечно предавался увлечениям и капризам. Был даже период, когда казалось, что он захвачен серьезным чувством.

Предметом его нового увлечения была княжна Александра Сергеевна Долгорукая, двадцатилетняя девушка, редкого ума и красоты. Она приходилась очень отдаленной родственницей княжне Екатерине Михайловне.

Говорят, с нее писал Тургенев героиню «Дыма».

В 1860 году, в эпоху великих реформ, Александра Сергеевна сыграла важную роль. Твердой решимостью и превосходством ума она часто заставляла Александра II настойчиво действовать на том смелом пути преобразований, который он избрал. За ней установилось прозвище «La Grande Mademoiselle».

Но внезапно по неизвестным причинам эта связь была прервана. Александра Сергеевна вышла замуж за старого генерала Альбединского, которого царь поспешил назначить варшавским губернатором.

За этим увлечением следовали новые, быстро сменяясь, одно незначительней другого.

* * *

После такого количества легких успехов Александр Николаевич вначале не мог даже понять причину сопротивления Екатерины Михайловны, не допуская мысли, чтобы она могла остаться бесчувственной к его настойчивому вниманию.

Как могла она, семнадцатилетняя девочка, отвергнуть любовь императора, самодержавного властителя всей России? Разве не убеждался он сотни раз в своем неотразимом влиянии на женщин? Разве встретил он хоть раз сопротивление?

Но когда через некоторое время отношение Екатерины Михайловны к царю изменилось и она ответила искренним чувством на его упорную страсть, Александр ощутил безграничную радость, чувствуя, что он любим этим очаровательным и ласковым созданием не как царь, а как человек.

Но не успел он еще насладиться этим редким счастьем, как ее вырвали из его объятий и увезли в Неаполь.

Продолжая любить Александра, она не меньше его томилась разлукой и писала ему об этом ежедневно.

Конечно, он имел возможность вернуть ее обратно, для этого в его распоряжении было немало способов – неограниченность императорской власти не являлась пустым словом, а граф Шувалов и его тайные агенты из III Отделения справлялись и с более трудными делами.

Между тем за пределами России совершались важные события. Австрия была побеждена при Садове. Германской конфедерации грозила опасность подпасть под владычество Пруссии, а положение Люксембурга предвещало конфликт между Францией и Германией. Восстание на Крите вновь поднимало восточный вопрос.

Но ведь и монархи только люди, и короны на их венчанных головах, и «интересы подданных и царской славы», по словам Боссюэ, не в силах вытеснить их интимных мыслей и переживаний.

И теперь, несмотря на доносившийся до России зловеший шум скрестившегося в Европе оружия, несмотря на тяжелые государственные заботы, в душе Александра росло и крепло могучее чувство. Вынужденная разлука только усилила его, разжигая сладкими мечтами и воспоминаниями о пережитом счастье, и обратила, наконец, в лихорадочную страсть, неизлечимую болезнь души и тела, которая так опасна для зрелого возраста.

Отныне эта страсть не покидала царя и стала главным импульсом его жизни; она была сильнее его обязанностей супруга и отца, влияла на все направление его политики, руководила его совестью, господствуя над ним до самой смерти.

Глава третья

В 1867 году, после усиленных приглашений со стороны Наполеона III, Александр выехал во Францию, чтобы посетить всемирную выставку. В сопровождении сыновей, великих князей Александра и Владимира, он прибыл в Париж в субботу, 1 июня, и остановился в Елисейском дворце.

На следующий день царь присутствовал на бегах, после чего обедал в Тюильри. Передохнув один день, царь посетил 4 июня особо торжественное представление в опере. 5-го, будучи в Sainte Chapelle, он подвергся неприятности, столкнувшись с группой адвокатов, у которых хватило мужества крикнуть ему прямо в лицо:

– Да здравствует Польша, Monsieur!

На следующий день, когда царь возвращался из Лонгшана после военного смотра, на котором присутствовал также и прусский король, польский эмигрант Березовский произвел два выстрела в Александра, сидевшего в одной карете с Наполеоном III. Покушение было неудачно, и монархи продолжили свой путь.

Как только Александр вернулся в Елисейский дворец, ему сообщили о прибытии императрицы Евгении, что немало его удивило.

Когда она вошла, у нее дрожали руки, лицо было бледно от волнения.

Тревожные дни переживала тогда Французская империя, и роскошная обстановка всемирной выставки никого не могла ввести в заблуждение. Снаружи и внутри императорский строй трещал по всем швам. Известия, полученные из Мексики, не оставляли никакого сомнения в неизбежности грядущей катастрофы. Император Максимилиан был уже блокирован в Кверетаро, со дня на день ждали известия о его гибели.

Не меньше беспокойства внушала и Германия.

Все эти обстоятельства заставляли Наполеона III придавать особое значение приезду царя. Он надеялся очаровать своего гостя, рассеять неприятное впечатление, оставшееся у царя от политики Франции в польском вопросе, и наконец склонить его на свою сторону, чтобы ослабить, таким образом, прусское влияние в Европе.

Но, к несчастью Наполеона, обстоятельства сложились так, что посещение царя было с самого начала омрачено скандалом в Sainte Chapelle и даже покушением на его жизнь. Императрице Евгении было отчего волноваться.

А тут еще, последовав первому порыву своей экспансивной натуры, она не рассчитала сил, и, когда царь вышел к ней, ей сделалось дурно.

Великие князья Александр и Владимир отнесли императрицу на диван, а государь, взволнованный, позвал на помощь.

Но внезапно императрица поднялась и, показав знаком, что не в силах говорить, быстро вернулась в свою карету, не сказав ни слова.

В последующие дни возобновились балы и празднества; была даже предпринята экскурсия в Фонтенбло. Но обаяние торжественности было нарушено.

Опасаясь возможности нового несчастья, приближенные царя старались ускорить его отъезд из Франции.

С присущей ему любезностью Александр продолжал выражать искреннее удовлетворение пышностью приема и знаками внимания, которыми его окружали. Но все чаще обычное выражение приветливости на лице царя сменялось странной озабоченностью, взгляд его становился рассеянным и далеким.

Французская полиция была, конечно, прекрасно осведомлена о причинах странного состояния.

После шестимесячной разлуки с царем Екатерина Михайловна приехала в Париж. Она поселилась в скромном отеле на улице Басэ дю Рампар. Каждый день приходила она в Елисейский дворец, проникая туда через калитку на углу улицы Габриэль и Авеню Мариньи.

Царь посвящал ей все время, которое оставалось свободным от официальных приемов и празднований. И здесь, в прелестной тени, где бродила некогда мадам де Помпадур, где Наполеон после Ватерлоо переживал всю беспредельность своего несчастья и ужас безрадостного будущего, здесь Екатерина Михайловна еще раз услышала торжественные слова:

– При первой возможности я женюсь на тебе, потому считаю тебя навсегда своей женой перед Богом. С тех пор как я люблю тебя, другие женщины для меня не существуют.

Эти слова наполнили княжну гордой радостью.

* * *

С этих пор их связь окончательно упрочилась. В Петербурге Екатерина Михайловна снова поселилась у своей невестки, в прелестном особняке на Английской набережной, где она занимала весь нижний этаж, имея отдельных слуг и собственный экипаж. Такое положение позволяло князю Михаилу Долгорукому с большим достоинством вести ту трудную роль, которую приличие и лояльность требуют от брата фаворитки.

Во время пребывания императора в Царском Селе, в Петергофе и Ливадии Екатерина Михайловна занимала виллу поблизости. В Зимнем дворце кабинет Николая I предложил им снова свое суровое, но верное гостеприимство. В Царском Селе они встречались в маленькой комнатке в конце флигеля, перед роскошным цветником Екатерины II, поблизости от личных апартаментов царя. Вся обстановка комнаты состояла из кровати, двух стульев, стола и туалета.

* * *

Екатерина Михайловна, вся отдавшись своей любви, жила очень замкнуто. Она никогда не присутствовала на званных обедах, не посещала театров. Ее встречали лишь изредка на балах, где бывал император, которому доставляло наслаждение видеть ее танцующей. Он пожаловал княжну Долгорукую в фрейлины императрицы, чтобы дать ей возможность бывать при дворе и украшать своим присутствием официальные приемы.

Покинутая императрица, черствая и надменная, принимала с самой холодной улыбкой приветствия своей молодой соперницы.

Императрица ошибалась в оценке этого нового увлечения своего супруга, видя в нем лишь банальное приключение, к которому он охладает так же скоро, как и к предыдущим. Да и могла ли она думать иначе? Гордая и прямодушная, еще сохранившая воспоминания об их былой любви, она даже и не подозревала той святотатственной клятвы – жениться при первой возможности, – которую дал Александр в «Бабигоне». Ведь эту возможность могла создать только смерть императрицы.

Ежедневные тайные встречи наполняли влюбленных огромным счастьем. Александр Николаевич сумел создать из этой невинной девственницы упоительную любовницу. Она принадлежала ему всецело, и они не уставали говорить друг другу о своей любви.

– Любовники никогда не скучают, потому что говорят всегда о самих себе, – сказал Ларошфуко.

Однако скоро и политика стала предметом их интимных бесед. Государственные дела занимали в жизни царя слишком большое место и приносили ему столько забот, что даже в обществе своей любовницы он не забывал о них. Царь знакомил Екатерину Михайловну с вопросами государственной важности, которые ему приходилось разрешать. Он говорил с нею о самых разнообразных делах: об общем управлении империей и дипломатических перегово-

рах, об административных реформах и военном устройстве, о работе министров, повышении в чинах, о милостях и опалах, о придворных интригах, о претензиях и соперничестве в императорской семье, – о всем том тяжком труде, к которому обязывало Александра положение самодержца.

Обладая ясным умом, трезвыми взглядами и блестящей памятью, Екатерина Михайловна без труда следила за его мыслью. Иногда даже метким словом она помогала царю найти нужное решение. При ней царь мог свободно думать вслух. Мало-помалу он настолько доверился ей, что не принимал ни одного важного решения, не посоветовавшись с ней.

Сознание своей власти и высокой ответственности обычно заставляло Александра замыкаться в себе. Он мог подолгу совещаться со своими министрами, требуя от них полной открытости и допуская даже возражения, но никогда он не давал им возможности быть свидетелями сомнений и противоречий, которые нередко предшествовали его решениям. Но Кате он мог открыть всю свою душу, не стесняясь и не сдерживаясь – ее нечего было бояться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.